

УДК 81'373.46

ББК Ш141.2-34

ГСНТИ 16.21.47; 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Ю. А. Золотарёва
Ульяновск, Россия

Yu. A Zolotareva
Ulianovsk, Russia

О ДЕФИНИЦИИ ТЕРМИНА «ЯЗЫКОВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ»

Аннотация. Предлагается дефиниция термина «языковое преступление», активно использующегося в исследованиях языка средств массовой информации. Разграничиваются такие понятия, как языковое преступление / языковая манипуляция, преступление языковое / преступление вообще.

Ключевые слова: языковое преступление; языковые манипуляции; средства массовой информации; разрушительный характер манипуляции; массовое сознание.

Сведения об авторе: Золотарёва Юлия Александровна, аспирант кафедры романских языков, факультет лингвистики и международного сотрудничества.

Место работы: Ульяновский государственный университет.

Контактная информация: 432063, г. Ульяновск, ул. Набережная реки Свияги, д. 1, корп. 1, кафедра романских языков ФЛиМС.

e-mail: pand@inbox.ru.

ON THE DEFINITION OF THE TERM «LANGUAGE CRIME»

Abstract. The article proposes a definition of the term language crime, widely used in studies of language media. Displaying distinction of concepts such as: language crime / language manipulation and concepts language crime and crime in general.

Key words: language crime; language manipulation; media; manipulation of a destructive nature; the mass consciousness.

About the author: Zolotareva Yulia Aleksandrovna, Post-graduate Student of the Chair of Romance Languages, The Faculty of Linguistics and International Co-operation.

Place of employment: The Ulianovsk State University.

Языковые преступления являются составной частью манипулирования общественным сознанием и достаточно часто привлекают внимание социолингвистов. Приемы языковых преступлений в текстах СМИ являются одним из мощных средств влияния на общественное сознание, и тем актуальнее становится вопрос об их изучении.

О языковом преступлении как составной части манипулирования людьми уже писали в научной литературе, интернет-источниках и даже в энциклопедии по языкоznанию для детей и энциклопедии «Языки мира», при этом использовались различные варианты термина: лингвистическое преступление (П. Б. Паршин), речевое преступление (Ю. В. Рождественский, Е. С. Кара-Мурза), языковое преступление (Е. С. Кара-Мурза). Так, в статьях «Знаменитые лингвистические преступления» популярных энциклопедий [Энциклопедия для детей, 10; Энциклопедия для детей, 38] указывается на масштабное языковое манипулирование в США, Германии, СССР, России, Франции, Иране. Приводятся примеры со словами *cito-уеп/гражданин* (Франция, СССР), *товарищ, брат/сестра* (Иран), которые после определенных исторических событий «приобрели официальную и отнюдь не „товарищескую“ окраску». Упоминается и формулировка Максимилиана Робеспьера *враг народа*, неоднократно использовавшаяся в различных вариациях: *враг народа* (Франция, СССР), *враги рейха* (Германия), *враги ислама* (Иран).

В указанных статьях пишется, что в Германии в период нацизма министерство пропаганды издало распоряжение именовать погибших

немецких солдат не *gefallenen* — ‘павшие’, а *ermordeten* — ‘убитые’, «дабы подчеркнуть, что они не пали в битве с честным врагом, а были злодейски убиты; отступление называлось не иначе как *Frontbegradigung* — „выравнивание линии фронта“».

В США пик языкового манипулирования, по мнению П. Б. Паршина, приходится на времена войны во Вьетнаме, когда появился так называемый вьетнамский английский — язык публикаций, изобиловавший эвфемизмами. Ср.: умиротворение — «полное уничтожение», защитная реакция — «бомбардировка», дружественный огонь — «стрельба по своим или по мирным объектам» [Энциклопедия для детей, 10: 688; Энциклопедия для детей, 38: 465].

Термин *речевые преступления* впервые употребил Ю. В. Рождественского в работе «Теория риторики», в которой речевые преступления фигурируют в связи с тремя ограничениями свободы слова в разных странах (запрещается диффамация, высказывания, которые могут нанести вред «народному здравию», а также высказывания, наносящие вред общественному и государственному строю). Эти запреты по-разному регулировались в разных странах. Так, «в XVI в. в Англии существовал суд „Звездной палаты“, который судил речевые преступления и проступки. Одним из законов, на основании которых действовал данный суд, было запрещение говорить, писать и печатать что-либо (плохое, хорошее или нейтральное) о короле и его семье. В России XVII в. запрещению по закону подвергались речи против православной веры, ереси, которые понимались как словесные действия против общественного

спокойствия и порядка управления» [Рождественский 1997: 185].

Е. С. Кара-Мурза определяет *речевые преступления* как «правонарушения, состоящие в том, что совершаются они посредством вербального поведения, путем использования продуктов речевой деятельности, т. е. текстов, распространяемых в средствах массовой информации [Кара-Мурза 2009: 48]. К *речевым (языковым) преступлениям* Е. С. Кара-Мурза относит диффамацию, клевету, оскорбление, словесный экстремизм, угрозу насилия и убийств. Речевые преступления совершаются в нематериальной области смыслов, сущностное свойство которых — множественность интерпретаций [Кара-Мурза 2009: 48].

Можно подвести определенные итоги. Во-первых, в разных источниках используются как синонимические выражения *языковое преступление*, *лингвистическое преступление*, *речевое преступление*. Во-вторых, у обозначаемых ими понятий выделяются следующие общие признаки: 1) манипулятивный характер; 2) масштабность; 3) нанесение вреда обществу (разрушительный характер); 4) тиражируемость в СМИ. В-третьих, возникает необходимость выбора наиболее удачного термина для данного явления. Поскольку такого рода *преступления* совершаются одними носителями языка против других, на наш взгляд, самым точным обозначением для данного явления общественно-политической жизни будет термин **языковое преступление**. Прежде чем дать дефиницию этому термину, необходимо разграничить такие парные понятия, как *языковое преступление / языковая манипуляция* и *преступление языковое / преступление вообще*.

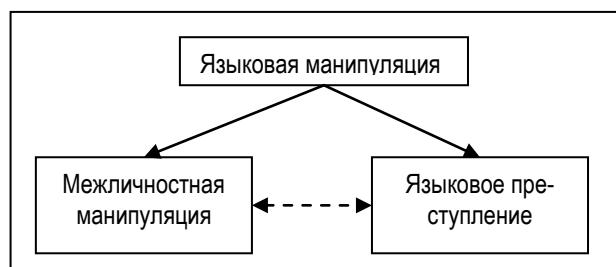
Языковое преступление / языковая манипуляция. Под языковыми манипуляциями нами понимаются вербально выраженные манипуляции. Напомним, что манипуляция — это «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко 1997: 185].

Из принятого определения манипуляции следует, что она может быть как вербальной, так и невербальной. Иллюстрация невербальной манипуляции содержится, например, в книге А. Б. Добровича «Воспитателю о психологии и психогигиене общения» [Добрович 1987: 149]. Анализируя странный поступок Валерия Петрова: спуск на землю по водосточной трубе с четвертого этажа школы, — учитель физики, на уроке которого это произошло, вспоминает, что «носилось в воздухе», когда Петров сел на подоконник. Анализ приводит его к выводу, что Петров подвергся манипулятивному воздействию особого ухмыляющегося взгляда главаря мальчишеской «клики» Кости Р.: «В памяти начинают всплывать лица других учеников в тот момент. На большинстве лиц — естественное

удивление и испуг. Но вот лицо Кости Р., оно выражало что-то другое... То ли торжество, то ли досаду... И несколько мальчишеских глаз следили не только за Валеркиным безумством, но еще и поглядывали в сторону... Куда? Да на Костю! Будто искали у него подтверждения че-му-то либо выражали ему неуверенный упрек... Стоп! Костя Р. Что он такое в классе? Ученик посредственный, хотя и неглуп. Явно лидирует в кругу отстающих и разболтанных подростков. Они и „острят“, и разные выходки позволяют себе на уроках — с оглядкой на Костя, в ожидании его одобрительной ухмылки».

С точки зрения известной оппозиции «материально выраженный знак / нулевой знак / отсутствие материально выраженного знака» [см., напр.: Соссюр 1977: 119; Энциклопедия для детей, 10: 14; Пузырёв 2002: 57] невербальные манипуляции можно определить как вербальные манипуляции нулевого характера. Поскольку языковое преступление — это манипуляция разрушительного характера, распространяемая средствами массовой информации, служащая формированию необходимого мышления и поведения у большого количества людей, языковые преступления правильнее всего рассматривать как вид языковых манипуляций.

Как известно, в основе понятийной организации терминов лежат родо-видовые отношения, или отношения субординации и суперординации. Напомним, что отношения субординации в языке — это подчиненность вида роду, а отношения суперординации — это отношения вида к роду. Таким образом, понятие языковая манипуляция включает в себя и языковое преступление, и межличностную манипуляцию, которые могут соотноситься друг с другом в приеме персонификации. Например: *Готова ли ты к летнему роману-приключению? Безнадежная круговорть из экзаменов и репетиторов кончилась. Значит ли это, что ты наконец-то расслабишься и позоволишь себе увлечься чем-то?* [Готова ли ты...: 26]. При помощи подобного приема СМИ выстраивают доверительные отношения с читателем, в результате чего журналы могут восприниматься как близкие друзья, которые влияют в первую очередь на мировоззрение читателя, формируя тот или иной характер поведения, принципы жизни.

Поскольку «определение термина раскрывает его понятийное содержание и выявляет место определяемого понятия среди других понятий данной тематической области» [Ковя-

зина 2003: 118], мы, указывая место определяемого понятия *языковое преступление* среди других понятий данной тематической области, должны сделать вывод о родо-видовых отношениях понятий: понятие *языковое преступление* является видовым по отношению к родовому понятию *языковая манипуляция*.

Преступление языковое / преступление вообще. В словаре под редакцией А. П. Евгеньевой приводится следующая дефиниция слова «преступление»: «*Преступление, -я, ср.* 1. Общественно опасное действие, нарушающее существующий правопорядок и подлежащее уголовной ответственности. *Преступление против государства. Уголовное преступление* <...>. 2. Неправильное, вредное поведение. В глазах Горделя Карпича это большое преступление: матери деньги посыпает человек, а себе сюртука нового не сошьет! <...>» [МАС, 3: 385].

Языковое преступление, конечно, не преступление в правовом смысле этого слова. Языковое преступление — это «переступание» такой нормы существования текста, как его соответствие правилам языка, мышления и действительности [Рябцева 1986: 99]. Тиражирование этого «переступания» в средствах массовой информации и составляет содержание языковых преступлений.

Строго говоря, языковое преступление — это частный вид социальных языковых манипуляций. Легко представить случай, когда перед выборами муниципального или областного уровня собственник завода, не поддерживающий действующую администрацию, отправляет всех своих рабочих в неоплачиваемый вынужденный отпуск под предлогом того, что городская администрация не заплатила за выполненную коллективом завода работу. Ясно, что рабочие в таком случае проголосуют на выборах против действующего мэра (этот пример приводится в книге: [Конфисахор 2004: 62—63]). Языковая манипуляция в подобном случае носит социальный характер, но не становится языковым преступлением в силу отсутствия такого важного дифференцирующего признака, как тиражируемость в средствах массовой информации.

В качестве примера элемента языкового преступления последнего времени можно назвать словосочетание *Invasion of Iraq*, использовавшееся в средствах массовой информации Америки во время вторжения США в Ирак: *The 2003 invasion of Iraq (March 19—May 1, 2003), was the start of the conflict known as the Iraq War or Operation Iraqi Freedom in which a combined force of troops from the United States, the United Kingdom and smaller contingents from Australia and Poland invaded Iraq and toppled the regime of Saddam Hussein in 21 days of major combat operations* [2003 invasion of Iraq]; *The invasion*

of Iraq was strongly opposed by some traditional U.S. allies, including the governments of France, Germany, New Zealand, and Canada [2003 invasion of Iraq]. В выделенном словосочетании соблюдены нормы грамматики, но при этом нарушено соответствие между обозначаемой в словосочетании ситуацией и внеязыковой действительностью. Предлог *of* в английском языке заменяет родительный падеж в русском, а соответственно, отвечает на вопросы «кого? чего?», поэтому при прочтении вышеуказанных предложений мы получаем «вторжение Ирака», но, как известно, не Ирак напал на Америку, а Америка подвергла бомбардировкам эту страну. Искажение предметного уровня текста — типичный признак языковых преступлений.

Исходя из вышесказанного, можно дать определение понятию *языковое преступление*. Языковое преступление — это манипуляция разрушительного характера, тиражируемая средствами массовой информации с целью повлиять на массовое сознание.

ЛИТЕРАТУРА

Готова ли ты к летнему роману-приключению? // Лиза Girl. 2011 № 6 (июнь). С. 12—13.

Добрович А. Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. — М.: Просвещение, 1987.

Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. — М.: ЧеРо, 1997.

Кара-Мурза Е. С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 47—71.

Ковязина М. А. Экология: наука и терминология // Языки профессиональной коммуникации: материалы междунар. науч. конф. — Челябинск, 2003. С. 116—121.

Конфисахор А. Г. Психология власти. — СПб.: Питер, 2004.

Пузырёв А. В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: сб. ст. / А. В. Пузырёв ; ПГПУ им. В. Г. Белинского. — Пенза, 2002.

Рождественский Ю. В. Теория риторики. — М.: Добросвет, 1997.

Рябцева Н. К. Информационные процессы и машинный перевод: лингвистический аспект. — М.: Наука, 1986.

МАС = Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. — М.: Русский язык, 1985 — 1988. Т. 3 : П — Р.

Соссюр Ф. де. Труды по языкоznанию. — М.: Прогресс, 1977.

Энциклопедия для детей. Т. 10 : Языкоznание. Русский язык. — М.: Мир энциклопедий Аванта +, 2007.

Энциклопедия для детей. Т. 38 : Языки мира. — М.: Мир энциклопедий Аванта + ; Астрель, 2009.

2003 invasion of Iraq. — URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Gulf_war_2 (дата обращения: 17.06.2011).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. В. Пузырёв